

Уильям Клиффорд

ЭТИКА УБЕЖДЕНИЯ*

DOI: 10.17323/2587-8719-2019-3-37-53.

I. ОБЯЗАННОСТЬ ИССЛЕДОВАТЬ

Один судовладелец вознамерился отправить за море корабль с эмигрантами. Он знал, что судно старое да и вообще не слишком хорошо построено; знал, что оно уже побывало в долгих морских путешествиях и повидало много дальних стран; он знал также, что оно часто требует ремонта. Так что он сомневался в том, что оно пригодно для плавания. Эти сомнения одолевали его и делали несчастным. Он думал, что, пожалуй, ему следует провести полную проверку и ремонт судна, хотя бы это и влетело в копеечку. Однако еще до того, как корабль отправился в плавание, судовладельцу удалось преодолеть свои меланхолические раздумья. Он сказал себе, что если корабль уже выдержал успешно

* © Философия. Журнал Высшей школы экономики. Перевод: © Ю. В. Горбатова, В. В. Фауль. Оригинал: *Clifford W. K. The Ethics of Belief // The Ethics of Belief and Other Essays / ed. by T. Madigan. — Amherst (MA) : Prometheus, 1999. — P. 70–96.*

На английском языке статья носит название «The Ethics of Belief». В английском языке слово «belief» чаще всего означает «мнение в умеренной степени» (The Ethics of Belief and Other Essays, 1999: 134). Для обозначения понятия «вера» в англоязычной литературе чаще используется понятие «faith», а термин «belief» в данном контексте используется реже. Иногда термин «belief» переводят как «верование», или как «мнение». Однако, наиболее точные коннотации передаются понятием «убеждение», поскольку «мнение» предполагает слишком субъективный характер. Хотя слово «убеждение» и влечет убежденность, все же это понятие намного ближе к «belief», чем остальные. В связи с этим, в данном переводе слово «belief» всегда будет переводиться как «убеждение». Одна из проблем, с которой может столкнуться переводчик, заключается в том, что глагол «to believe» является активным, и его сложно перевести на русский. В связи с этим, мы вынуждены переводить его как «иметь убеждение» или «обладать убеждением». Также «to believe» можно перевести как «считать», но этот перевод часто смотрится неогранично: например, «неправильно считать, основываясь на недостаточных свидетельствах». Стоит отметить, что название статьи все же можно было перевести как «Этика веры», поскольку в литературе существует консенсус о том, что данная статья имплицитно атакует именно религиозные убеждения. Однако, поскольку автор преподносит эту статью как статью по эпистемологии в целом, необходимо сохранить нейтральность в названии.

такое количество путешествий и серьезных передраг, было бы бессознательным считать, что он не сможет спокойно вернуться домой и на этот раз. Владелец положился на божественное Провидение, которое не могло не позаботиться обо всех тех несчастных семьях, что покидали свои родные земли в поисках лучшей доли. Он выбросил из головы все неуместные подозрения в нечестности строителей и подрядчиков. Так он приобрел искреннее и приятное убеждение, что корабль полностью исправен и пригоден для плавания. За отправкой судна он наблюдал с легким сердцем и искренне желал успеха изгнанникам в их чужом новом доме, который они должны были вскоре обрести. И он же получил страховые выплаты, когда судно затонуло посреди океана, забрав все свои тайны с собой.

Что следует сказать о судовладельце? Конечно же то, что он безусловно виновен в смерти людей. А также признать, что он действительно был искренне убежден в прочности своего корабля. Однако искренность его убеждения никак не может ему помочь, потому что он *не имел права иметь такое убеждение, в силу тех свидетельств, что у него имелись*. Он сформировал свое убеждение не путем добросовестного исследования, но путем отбрасывания своих сомнений. И хотя под конец, возможно, он и был настолько уверен в прочности своего корабля, что даже не мог помыслить иное, все же необходимо признать его виновным, поскольку он сознательно и намеренно привел себя к такому образу мыслей.

Давайте немного видоизменим ситуацию и предположим, что в конце концов корабль не был в таком уж плачевном состоянии: он успешно завершил и это путешествие, и многие другие после него. Уменьшит ли это обстоятельство вину его владельца? Нисколько. Однажды совершенное действие остается либо верным, либо ошибочным раз и навсегда: никакое случайное отклонение от его благих или дурных последствий не может этого изменить. Судовладелец не мог оказаться невинным, он мог лишь остаться неразоблаченным. Вопрос о верном или ошибочном относится только к источнику убеждения, но не к его содержанию: не к тому, каким убеждение было, но к тому, каким образом судовладелец его получил; не к тому, было ли оно истинным или ложным, но к тому, имел ли он право сформировать такое убеждение, основываясь на имевшихся у него свидетельствах.

Некогда существовал остров, некоторые из обитателей которого исповедовали религию, в которой отсутствовали представления о первородном грехе и вечном воздаянии. Среди жителей возникло подозрение,

будто проповедники этого учения хотят внушить детям свои идеи и используют для этого сомнительные средства. Проповедников обвинили в нарушении законов страны: в том, что они уводили детей от их настоящих и законных попечителей, и даже в том, что они выкрадывали и укрывали детей от их друзей и родственников. Несколько людей образовали сообщество, чтобы привлечь общественное мнение к этому вопросу. Они выдвинули серьезные обвинения против отдельных граждан, занимавших высокие посты и имевших безупречную репутацию. Они сделали все возможное, чтобы уличить этих граждан в ненадлежащем исполнении должностных обязанностей. Противники учения подняли такой шум, что для расследования дела была сформирована специальная Комиссия. Однако после того, как Комиссия исследовала все доступные свидетельства, выяснилось, что подозреваемые совершенно невиновны. Их не только обвинили, основываясь на недостаточных свидетельствах, но и свидетельства их невиновности были таковы, что возбудители общественного мнения могли с легкостью их обнаружить, если бы только попытались провести честное расследование. После этих разоблачений жители страны стали смотреть на участников обвинительного сообщества не просто как на людей, чьему мнению нельзя доверять, но и как на тех, кого уже нельзя было считать людьми, достойными уважения, поскольку, хотя те и были искренне убеждены в своих обвинениях, *но все равно не имели права формировать убеждение, основываясь на имевшихся у них свидетельствах.* Их искренние убеждения были получены не честным путем терпеливого исследования, но тихонько вкрались в них, потому что те прислушивались к голосу страсти и предрассудков.

Давайте немного изменим также и эту историю и предположим, что все осталось по-прежнему, за исключением того, что немного более тщательное расследование доказало, что подозреваемые действительно были виновны. Скажется ли это обстоятельство на виновности обвинителей? Очевидно, нет. Вопрос не в том, были ли их убеждения истинными или ложными, а в том, были ли они приняты на ошибочных основаниях. Вне всяких сомнений, обвинители скажут: «Теперь вы видите, что в конце концов мы оказались правы. Возможно, в следующий раз вы нам поверите». И действительно, возможно, им поверят, однако это не сделает их людьми, заслуживающими уважения. Они не станут невинными, их просто не разоблачат. Каждый из них, кто решится

спросить самого себя *in foro conscientiae*¹, будет знать, что сформировал и взлелеял в себе такое убеждение, какое у него не было права формировать на основании имевшихся в его распоряжении свидетельств. Потому он будет знать, что в этом случае поступил неправильно.

Можно сказать, однако, что в обоих рассмотренных выше случаях не само убеждение является неправильным, но те действия, которые последовали за ним. Судовладелец может сказать: «Я совершенно уверен, что мой корабль исправен, но все же чувствую себя обязанным провести осмотр судна перед тем, как доверить ему жизни такого большого количества людей». А возбудителю общественного мнения можно сказать: «Вне зависимости от вашей уверенности в правильности ваших мотивов и истинности ваших убеждений, не следует совершать публичную атаку на кого бы то ни было, пока вы всесторонне и кропотливо не изучили имеющиеся свидетельства».

В первую очередь давайте признаем (насколько это вообще возможно), что данный подход является верным и необходимым. Этот подход верен, потому что даже если убеждение человека настолько твердо, что он не может подумать иное, он все равно свободен в выборе поступка, основанного на своем убеждении, и, следовательно, не может уклониться от обязательства проведения исследования, объясняя это силой собственной уверенности. Необходим же он потому, что те, кто еще не способны контролировать свои чувства и мысли, должны иметь четкие правила в отношении явных [overt] поступков.

Однако стоит только предположить, что такой подход необходим, как сразу становится ясно, что он в то же время не является достаточным, и что наше предыдущее суждение требуется дополнить. Ибо невозможно так отделить убеждение от действия, вызванного этим убеждением², чтобы порицать одно, не порицая при этом другое. Ни один человек, твердо придерживающийся убеждением лишь по одному аспекту вопроса, или даже желающий придерживаться лишь одного его аспекта, не сможет исследовать вопрос с такой честностью и в такой

¹In foro conscientiae (лат.) — пред судом совести.

²В данном фрагменте у У. Клиффорда не предполагается наличие каузальной зависимости между убеждением и действием по принципу достаточного основания. Он использует слово «suggests» для обозначения того, каким образом убеждение вызывает действие. Это можно перевести следующим образом: убеждение *предлагает* совершить поступок. Судя по всему, в этом фрагменте предполагается интуитивное для английского языка различие на «causes» и «teasons», которое в дальнейшем будет более детально концептуализировано в философии действия.

полноте, как если бы он действительно находился в сомнениях и не был предвзят. Таким образом, существование убеждения, не основанного на честном расследовании, делает человека неспособным к исполнению неизбежных обязанностей.

Не является настоящим убеждением и то, что не оказывает никакого влияния на действия того, кто обладает этим убеждением. Тот, кто искренне убежден, что то, что толкает его на действие, требует свершения этого действия, тот в сердце своем это действие уже совершил. Даже если какое-то убеждение не реализуется незамедлительно в том или ином действии, это означает лишь, что его действие отложено, и оно проявит себя в будущем. Такое убеждение становится частью той совокупности убеждений, которая связывает ощущения и действия в каждый момент времени на протяжении всей нашей жизни, и которая организована и скомпонована таким образом, что ни одна часть этой совокупности не может быть отделена от целого, но любое добавление изменяет ее структуру. Ни одно настоящее убеждение, каким бы праздным и фрагментарным оно ни казалось, не является незначительным по своей сути: оно приурочивает нас к принятию убеждений сходного с ним типа, одобряет те, которые похожи на него, и в то же время ослабляет непохожие. Так постепенно убеждение закладывает мину замедленного действия в глубины наших сокровенных мыслей, и эта мина может однажды проявить себя в явном действии, поставив тем самым крест на нашей репутации.

И никогда ничьи убеждения не являются лишь частным делом своих обладателей. Наши жизни управляются общим представлением о том, как устроены вещи, причем само это представление было создано обществом, и создано для общественных целей. Наши слова, наши фразы, наши формы, процессы и способы мышления — все это является всеобщим достоянием, формирующимся и совершенствующимся из года в год. Это священная реликвия, которую каждое последующее поколение наследует как бесценное сокровище и как священный долг, что должен быть передан следующим поколениям не неизменным, но приумноженным и проясненным, с отчетливыми признаками проделанной самостоятельной работы. Хорошо это или плохо, но в него влетают все убеждения всех людей, которые когда-либо были произнесены в чьем-либо присутствии. Огромная честь и в то же время чудовищная ответственность заключается в том, что мы должны участвовать в создании того мира, в котором будут жить наши потомки.

Два рассмотренных выше случая приводят нас к заключению, что недопустимо как придерживаться убеждения, основанного на недостаточных свидетельствах, так и питать веру, подавляя сомнения и избегая серьезного исследования. Не надо далеко ходить, чтобы увидеть, почему сделано именно такое заключение: в обоих случаях убеждение, которого придерживается один человек, имело огромное значение для других людей. Но поскольку ни одно убеждение, каким бы ничтожным оно ни казалось и каким бы малоизвестным ни был придерживающийся этого убеждения человек на самом деле не является незначительным и влечет последствия для судеб всего человечества, нам не остается иного выбора, кроме как распространить наше заключение на абсолютно все убеждения. Убеждение, эта святая способность, которая отвечает за решения нашей воли и сплетает в единый гармоничный узор всю спрессованную энергию нашего существования, принадлежит не нам самим, но всему человечеству. Убеждение используется должным образом тогда, когда оно основано на истинах, установленных в процессе длительных испытаний и кропотливого труда, которые выстояли под светом беспощадных софитов свободного и бесстрашного вопрошания. Именно тогда оно помогает объединять людей, делает их сильнее и направляет их совместные усилия. Убеждение оскверняется, когда опирается на бездоказательные и сомнительные утверждения ради утешения и личного удовлетворения того, кто их придерживается; ради того, чтобы добавить показного блеска к незамысловатой и прямой дороге нашей жизни, — показать, что за ней скрывается прекрасный мираж; или даже ради того, чтобы притушить обыденные печали рода человеческого за счет самообмана, что позволит им не просто повергнуть нас в уныние, но даже уничтожить. Кто заслужил бы одобрение своих собратьев в этом вопросе, тот стал бы с фанатичной ревностью охранять чистоту своих убеждений, лишь бы не сосредоточиться на недостойном предмете и не запятнать убеждения так, что их уже нельзя будет отмыть.

Это общечеловеческое бремя: оно касается не только народных лидеров, политиков, философов или поэтов. Деревенщина, что неторопливо цедит слова в сельской пивной, может участвовать как в уничтожении, так и в сохранении тех роковых суеверий, что наносят вред его роду. Жена самого обычного ремесленника, что вкалывает от рассвета до заката, может передать своим детям убеждения, которые либо замкнут общество в единое целое, либо разорвут его на части. Никакое просто-душие или пребывание во мраке невежества не избавляет от всеобщего долга исследовать все убеждения, которых мы придерживаемся.

Верно, что долг этот нелегок и вызванные им сомнения зачастую горьки на вкус. Он оставляет нас нагими и беспомощными там, где мы полагали себя сильными и защищенными. Знать все обо всем означает знать, как поступить в любой ситуации. Мы чувствуем себя намного более счастливыми и в большей безопасности, когда считаем, что точно знаем, как поступить, вне зависимости от обстоятельств, чем когда мы сбиваемся с пути и не знаем, куда свернуть. И если мы предполагаем, что знаем все обо всем и способны поступать в соответствии с этим знанием, то нам, вне всяких сомнений, будет неприятно обнаружить, что на самом деле мы несведущи и бессильны, что опять должны начать с самого начала, чтобы попытаться узнать (если об этом вообще можно что-либо узнать), как обстоят дела на самом деле и как следует в связи с этим поступить. Именно ощущение могущества, сопровождающее ощущение знания, заставляет людей жаждать уверенности и остерегаться сомнений.

Ощущение могущества является наивысшим и наилучшим из удовольствий, при условии, что убеждение, на котором оно основано, является истинным и получено в ходе добросовестного исследования. Поскольку именно в этом случае мы имеем право ощущать, что оно является всеобщим достоянием и имеет ценность не только для нас самих, но и для других. Именно тогда мы можем радоваться, но не тому, что *я* разузнал секреты, благодаря которым *я* же обрел силу и защиту, но тому, что *мы люди* – имеем теперь большую власть над миром. Поэтому мы должны быть сильными не ради нас самих, но во имя силы всего человечества. Однако если убеждение было принято без достаточных оснований, удовольствие от него незаслуженно: оно не только вводит нас в заблуждение тем, что дает ощущение могущества, которым мы на самом деле не обладаем, но и является греховным по своей сути, поскольку получено в обход долга, который есть у нас перед человечеством в целом. Долг этот заключается в том, чтобы защищать себя от подобных убеждений как от чумы, которая в состоянии, стремительно завладев нашим телом, распространиться затем и на остальных жителей города. Что подумали бы о том, кто, прельстившись сладким плодом, сознательно пошел бы на риск навлечь чуму на своих родных и близких?

Здесь, как и в других сходных случаях, необходимо принимать во внимание не только риск наступления нежелательных последствий: дело в том, что плохой поступок всегда является плохим уже в тот самый момент, когда совершается, вне зависимости от того, что случится после. Каждый раз, когда мы позволяем себе иметь убеждение, основанное на

негодных основаниях, мы снижаем свою способность к самоконтролю, к сомнению, к рассудительной и беспристрастной оценке свидетельств. Все мы заметно страдаем от поддержания ложных убеждений, а также от неправильных поступков, к которым они неизбежно приводят. Зло же, рожденное принятием в расчет таких убеждений, обширно и велико. Но еще более великое и обширное зло возникает в тех случаях, когда принятие на веру сохраняется и поддерживается, когда прививаемая привычка формировать убеждение на негодных основаниях становится постоянной. Если я украду деньги у кого-либо, возможно, от самого факта перемещения средств и не будет никакого вреда: потеря может оказаться неощутимой или даже воспрепятствует дурному использованию денег. Но я не могу не наносить огромный вред человечеству тем, что поступаю безнравственно. Обществу вредит не то, что оно теряет свою собственность, но то, что оно превращается в вертеп разбойников, и тем самым перестает быть обществом. Именно поэтому мы должны не делать зла, какое бы благо из этого ни следовало, поскольку в любом случае большое зло уже случилось, а мы, тем самым, стали нечестивцами. Схожим образом, если я позволяю себе иметь какое-либо убеждение без достаточных на то оснований, от самого убеждения, может, и не будет большого вреда, оно даже может оказаться истинным, или мне просто не доведется воспользоваться им для совершения каких-либо действий. Однако становясь легковерным, я не могу одновременно не наносить тем самым урон и всему человечеству. Угроза обществу заключается не просто в том, что оно поверит в то, что ложно, хотя и это зло достаточно велико, но в том, что, становясь легковерным, оно утратит привычку к проверке и исследованию вещей, из-за чего непременно скатится обратно к варварству.

Вред, наносимый человеческим легковерием, не ограничивается воспитанием легковерия в других, чреватой опорой на ложные убеждения впоследствии. Если у меня входит в привычку не заботиться о собственных убеждениях, у окружающих входит в привычку не заботиться о правдивости того, что мне говорят. Люди говорят правду друг другу тогда, когда каждый из них уважает правду как в себе, так и в другом. Но как же мой друг будет уважать мою правду, когда сам я к ней безразличен, когда я верю во что-то просто потому, что хочу в это верить, или потому, что мне так удобно и приятно? Не возопит ли он «Мир!»

по отношению ко мне, когда мира нет?³ Так я окружу себя удушливой атмосферой лжи и притворства, в которой и буду вынужден пребывать. В моем воздушном замке из сладких грез и прелестной лжи это может и не иметь большого значения, однако то, что я сделал своих ближних склонными к обману, имеет большое значение для человечества в целом. Легковерный человек — отец лжеца и обманщика: он живет в лоне так созданной семьи, и неудивительно, если он сам станет таким же, как и они. Настолько тесно переплетены наши обязанности, что как бы некто ни чтит закон, нарушив его в чем-то одном, он нарушил его полностью.

Подведем итог: всегда, везде и для каждого ошибочно⁴ иметь какое-либо убеждение, без достаточных на то оснований.

Если человек придерживается какого-либо убеждения (того, которому его научили еще в детстве или того, которое он обрел впоследствии) и отвергает или отбрасывает любые собственные сомнения по поводу этого убеждения, целенаправленно избегает чтения книг и общения с людьми, выражающих сомнение в этом убеждении или обсуждающих его, считает порочными те вопросы, простой ответ на которые подрывает его убеждение, — значит, жизнь этого человека является одним большим грехом против человечества.

Если это суждение кажется жестким по отношению к тем простым душам, которые никогда не знали лучшего; кто с пеленок воспитывался так, будто сомнение ужасно, что их вечное благоденствие зависит от того, во *что* они верят, тогда это приводит нас к очень серьезному вопросу: «*Кто заставил Израиль согрешить?*»⁵

Позволю себе усилить это суждение цитатой из Мильтона:

Можно быть еретиком и в истине; и если кто-нибудь верит лишь потому, что так говорит пастор, или потому, что так постановляет собрание, без всяких других оснований, то, хотя бы вера его и была истинной, самая истина становится его ересью (Мильтон, Фет, 1997).

³ Аллюзия к фрагменту из Библии: «Ибо от малого до большого, каждый из них предан корысти, и от пророка до священника - все действуют лживо [...]. И врачуют рану дочери народа Моего легкомысленно, говоря: „мир, мир!“, а мира нет» (Иер. 6:13, 8:11).

⁴ Английское слово *wrong*, которое использует Клиффорд, удачно сочетает в себе эпистемическое значение «нерационально, неразумно» и этическое — «плохо, дурно». В русском языке нет полного аналога этого слова. Как наиболее близкое по смыслу для перевода было выбрано слово *ошибочно*, в котором хотя и не столь ярко, как в английском термине, но сочетаются эпистемический и этический аспекты.

⁵ Аллюзия к фрагменту из Библии: «и делал он неудобное в очах Господних: не отставал от грехов Иеровоама, сына Наватова, который ввел Израиля в грех» (4Цар. 15:18; 15:24; 15:28).

А также и знаменитым афоризмом Кольриджа:

Начинающий любить Христианство больше Истины продолжит тем, что полюбит свою собственную секту или Церковь больше Христианства, а закончит любовью к самому себе, которая превысит все (Coleridge, 1904: 107).

Поиск свидетельств, на которых основана та или иная доктрина, не может быть совершен раз и навсегда, а результат этого поиска не может быть принят как окончательно установленный. Никакое подавление сомнений не может быть законным, поскольку либо сомнения можно устранить, дав честный ответ в рамках уже совершенного исследования, либо возникшее сомнение докажет, что исследование было неполным.

«Но, — возразит некто, — я занятый человек. У меня нет времени для прохождения длинного курса обучения, который необходим для того, чтобы сформировать компетентное суждение хотя бы в первом приближении или даже просто для понимания сути аргументов».

Что ж, тогда у него не должно быть времени, чтобы иметь убеждения.

II. ВЕС АВТОРИТЕТА

Должны ли мы теперь стать сомневающимися во всем скептиками, опасаясь сделать пусть только один шаг, не проверив предварительно надежность пути? Должны ли мы лишаться себя помощи и руководства той огромной совокупности знаний, которая прирастает в мире с каждым днем, поскольку ни мы, ни кто-либо другой не имеет даже шанса незамедлительно проверить хотя бы сотую её часть экспериментально или через наблюдение, и поскольку даже если бы мы смогли это сделать, даже эта часть все равно не стала бы окончательно доказанной? Должны ли мы воровать и лгать потому, что у нас не было достаточно обширного личного опыта для обоснования того, что так поступать ошибочно?

На практике, нет никакой угрозы того, что скрупулезное и тщательное отношение к собственным убеждениям когда-либо приведет к подобным последствиям. Те, кто практически выполнил свой долг в этом отношении, обнаруживают, что определенные великие принципы, наиболее подходящие в качестве руководства к жизни, приобретают все большую ясность пропорционально тем вниманию и честности, с которыми они проверяются и, тем самым, обретают в этом отношении практическую надежность. Убеждения о том, что верно, а что — ошибочно, которыми мы руководствуемся при взаимодействии с обществом, а также убеждения о физической природе, которыми мы руководствуемся при

взаимодействии с одушевленными и неодушевленными объектами, никогда не пострадают от исследования: они сами могут о себе позаботиться, не нуждаясь в поддержке ни с помощью «актов веры», ни за счет воплей продажных приверженцев или подавления свидетельств в пользу противоположного. Более того, есть много случаев, когда свидетельства неспособны оправдать наше убеждение, а потому наш долг заключается в том, чтобы действовать, опираясь на знание вероятностей, поскольку через само это действие и его последующие результаты мы как раз и можем надеяться в будущем получить обоснование нашего убеждения. Так что у нас нет причин бояться, как бы привычка к добросовестному исследованию не парализовала нашу повседневную жизнь.

***6

Что мы должны сказать о проверенной временем традиции — этом авторитетном источнике рода человеческого, более почтенном и благородном, чем любое единичное утверждение? Благодаря труду и стараниям наших предков, мы живем в атмосфере убеждений и представлений, позволяющей нам не задохнуться под грузом сложных и разнообразных условий нашей жизни. Эта атмосфера — о нас, вокруг нас и внутри нас. Мы не можем мыслить вне форм и процессов мышления, которыми она нас обеспечивает. Возможно ли усомниться в ней и проверить ее? И если возможно, то правильно ли это?

Мы должны указать причину, на основании которой сможем заявить, что сомневаться — это не просто возможно или правильно, но поступать так является нашим долгом; что основная задача существования традиции как раз и состоит в том, чтобы обеспечить нас средствами для самой возможности вопрошания, для проверки и исследования вещей. Если же мы будем использовать ее неверно и отнесемся к ней как к совокупности готовых для принятия утверждений, не требующих дальнейшего рассмотрения, отказавшись таким образом принять участие в построении здания, которое должно быть унаследовано нашими детьми, мы тем самым навредим не только себе, но отрежем себя и весь свой род от общечеловеческих ценностей.

⁶Три звездочки указывают на то, что в данной версии статьи пропущено несколько абзацев. В оригинальной версии статьи 1877 года, опубликованной в журнале «Contemporary Review», а также в переиздании статьи в сборнике под редакцией Тима Мадигана (Clifford, 1999a) в этом фрагменте есть пятнадцать дополнительных абзацев. Пропуск этих абзацев, судя по всему, является общим местом в более современных переизданиях.

***7

Таким образом, мы узнаем, что сакральная традиция человечества состоит не из пропозиций или утверждений, которые следует принять на веру, руководствуясь авторитетом традиции. Напротив, она состоит из правильно заданных вопросов; из представлений, позволяющих и дальше задавать нам вопросы; а также из методов, как отвечать на эти вопросы. Ценность всего этого определяется каждодневной перепроверкой. Сама святость драгоценного источника накладывает на нас обязательства и ответственность за его проверку, очистку и расширение в меру своих возможностей. Тот, кто использует его результаты для подавления собственных сомнений или для того, чтобы воспрепятствовать чужим исследованиям, повинен в святотатстве, которому вовек не будет оправдания. Когда честные и смелые люди с помощью труда и вопрошания возведут наконец величественное здание постигнутой истины, о построении которого в наше время мы не можем ни надеяться, ни мечтать, в этом святом и светлом храме святотатцу не достанется ни малейшего места, но само имя его и труды будут навечно низвергнуты во тьму забвения.

III. ОГРАНИЧЕНИЯ ЛОГИЧЕСКОГО ВЫВОДА

Вопрос о том, в каких случаях у нас есть право иметь убеждения, выходящие за пределы нашего непосредственного опыта, является настолько обширным и в то же время каверзным, что распространяется на весь спектр научных методов и требует значительного увеличения сферы своего вопрошания еще до того, как на него можно будет получить хотя бы условно полный ответ. Но одно очень простое правило, лежащее на самой поверхности и имеющее при этом огромное практическое значение, можно в кратком изложении затронуть прямо сейчас.

Небольшая рефлексия покажет нам, что каждое убеждение, даже самое простое и при том фундаментальное, становясь руководством к действию, неизбежно выходит за пределы опыта. Однажды обжегшись, ребенок будет бояться огня, потому что убежден, что сегодня огонь обожжет его так же, как и вчера. Однако это убеждение уже выходит за пределы *непосредственного опыта*, поскольку допускает, что неизвестный огонь сегодня является таким же, как и известный огонь вчера. Даже убеждение в том, что вчера ребенок обжегся, выходит за пределы непосредственного опыта, который содержит лишь

⁷В следующем фрагменте пропущено семь абзацев.

память об ожоге, но не само «обожжение»: таким образом, убеждение допускает, что памяти можно доверять, в то время как мы знаем, что память часто нас подводит. Если же планируется использовать память как руководство к действию, как намек на то, каким будет будущее, она должна допустить что-то об этом будущем, а именно — что оно будет совместимо с предположением, что ребенок действительно обжегся вчера; а это выходит за пределы непосредственного опыта. Даже фундаментальное «Я есть», в котором мы не можем усомниться, не может служить руководством к действию, пока не будет принято допущение, что «Я буду», но это выходит за пределы непосредственного опыта. Вопрос, таким образом, заключается не в том, имеем ли мы право быть убежденными в том, что выходит за пределы непосредственного опыта (поскольку право это включено в саму природу убеждений); но — каким образом и в какой степени мы имеем право добавлять что-то к этому нашему опыту в процессе формирования убеждений.

Чрезвычайно простой и в то же время универсальный ответ содержится в примере, приведенном выше: однажды обжегшись, ребенок страшится огня. Мы имеем право выходить за пределы непосредственного опыта, допуская, что известное нам подобно тому, что нам не известно. Другими словами, мы имеем право добавлять что-то к непосредственному опыту, основываясь на допущении единообразия в природе. В чем именно заключается это единообразие, каким образом наше знание о нем все прибывает от поколения к поколению, — вопросы, которые в настоящий момент мы оставим в стороне и удовлетворимся лишь двумя примерами, рассмотрение которых поможет несколько раскрыть суть упомянутого правила.

На основании определенных наблюдений, сделанных с помощью спектроскопа, мы приходим к логическому выводу о существовании водорода на Солнце. Наблюдая в спектроскоп, как свет от солнца проходит через щель прибора, мы видим совершенно определенный набор светящихся линий. В то же время эксперименты, проводимые над физическими телами на земле, научили нас, что источником такого набора светящихся линий является водород. Тогда мы допускаем, что неизвестные яркие линии, вызванные солнечным светом, подобны уже известным ярким линиям, наблюдавшимся ранее в лабораторных условиях, а также что водород на солнце при схожих условиях ведет себя так же, как и водород на земле.

Не слишком ли сильно мы доверяем спектроскопу? Вне всяких сомнений, установив его надежность применительно к субстанциям на земле,

где его показания могут быть перепроверены людьми, мы имеем право обоснованно принять его свидетельства во всех других схожих случаях. Можем ли мы, однако, так же доверять информации, полученной от него относительно объектов, находящихся на солнце, то есть в случае, когда эти свидетельства не могут быть напрямую перепроверены людьми?

Конечно, мы хотим знать немного больше перед тем как этот вывод можно будет признать обоснованным. К счастью, мы действительно знаем немного больше. Показания спектроскопа в обоих случаях свидетельствуют об одном и том же, а именно: о том, что через него проходят световые колебания определенной частоты. Конструкция его такова, что если бы он ошибался в одном случае, то ошибался бы и в другом. Внимательно изучив предмет, мы обнаружим, что действительно допустили, будто солнечная материя подобна земной — состоящей из определенного набора различных веществ. И что каждая из этих субстанций при нагревании имеет отличную от других частоту колебания, по которой ее можно узнать и выделить среди прочих. Это, однако, и есть тот тип допущений, которые мы имеем право обоснованно использовать в качестве добавления к нашему непосредственному опыту. Это допущение о единообразии природы, и его можно проверить, только путем сравнения со многими схожими допущениями, которые мы вынуждены принимать в других подобных случаях.

Так является ли истинным убеждение в том, что на Солнце существует водород? Может ли оно помочь в правильном руководстве человеческими действиями?

Очевидно, нет, если оно принято на ненадежных основаниях и без какого-либо понимания процесса, с помощью которого это убеждение было получено. Однако в случае, когда такой процесс берется как основание для убеждения, последнее приобретает очень серьезное и практическое значение. Поскольку, если на солнце на самом деле нет водорода, то спектроскоп, то есть измерение частоты колебаний, является ненадежным инструментом для распознавания различных субстанций, и, следовательно, он не должен применяться для химического анализа: например, для поиска металла в руде, что сохранит значительное количество времени и денег, а также избавит от многих проблем. В то же время признание метода спектрального анализа как надежного инструмента исследования обогатило нас не только новыми металлами (что ценно само по себе), но также и новыми методами исследования (что намного ценнее).

В качестве другого примера давайте рассмотрим, каким образом мы приходим к логическому выводу о том, что некоторые исторические события имели место (например, о том, что имела место осада Сиракуз во время Пелопоннесской войны). Наш непосредственный опыт состоит в том, что существуют рукописи, про которые говорят (и в них самих утверждается), что они являются историческими записками авторства Фукидида. В других рукописях, приписываемых более поздним авторам, Фукидида описывают как человека, который жил как раз во время этой войны. Эти книги, написанные предположительно в период возрождения науки, описывают то, каким образом рукописи сохранились и были заново обретены впоследствии. Мы также находим, что люди, как правило, не фальсифицируют книги или истории без особых на то оснований. Мы предполагаем, что в данном отношении люди в прошлом были такими же, как и люди в настоящем. Также мы видим, что в данном случае нет никакого особого основания для такой фальсификации. Таким образом, мы добавляем в качестве посылки к нашему непосредственному опыту допущение о единообразии нравов людей. Поскольку наше знание этого единообразия намного менее точно и совершенно чем знание, которое приобретается физикой, выводы наподобие исторических оказываются гораздо менее надежными и точными, чем заключения во многих других естественных науках.

Однако если есть какая-то особая причина подозревать лиц, написавших или передавших конкретные книги, ситуация коренным образом меняется. Если некоторая совокупность документов содержит скрытые свидетельства того, что они были созданы людьми, которые подделывали книги, подписываясь чужим именем; что описывая события эти люди умалчивали о том, что их не устраивало и, напротив, выпячивали то, что им подходило; что они не только совершили эти преступления, но и похвалялись ими как доказательствами своего смирения и усердия; если дела обстоят именно так, тогда мы должны сказать, что на основании таких документов может быть основана лишь неудовлетворительная гипотеза, но не истинный исторический вывод.

Далее, мы имеем возможность, добавив к нашему непосредственному опыту допущение о единообразии в природе, дополнять нашу картину того, что есть и что было по мере того, как опыт дополняет ее таким образом, чтобы сделать целое совместимым с этим единообразием. Лишь практически демонстративное доказательство (то есть именно то, что

дает нам право сформировать убеждение как результат такого вывода) ясно показывает, что ничем иным, кроме истинности полученного результата, нельзя сохранить *представление* о единообразии в природе.

Следовательно, ни одно свидетельство не может подтвердить наше убеждение в истинности утверждения, в случае, когда оно противоречит представлению о единообразии в природе, либо находится за пределами этого представления. Если наш опыт таков, что не может быть непротиворечиво добавлен к представлению об этом единообразии, единственное, что мы имеем право сделать, — это заключить, что где-то была допущена ошибка. В этом случае речь, однако, не идет о допустимости делать логические выводы: мы должны опираться только на наш непосредственный опыт и не выходить за его пределы. Если бы действительно случилось событие, которое не было бы частью единообразия в природе, оно обладало бы двумя следующими характеристиками: те и только те, чьим непосредственным опытом оно оказалось, имели бы основания считать, что у них есть свидетельства в пользу этого события; ни один логический вывод, достойный стать убеждением, нельзя было бы обосновать с помощью этого события.

Обязаны ли мы в таком случае считать, что мир абсолютно и повсеместно единообразен? Конечно, нет. У нас нет права иметь убеждение подобного рода. Правило только лишь предписывает, что для формирования убеждений, выходящих за границы непосредственного опыта, мы можем принять допущение о практическом единообразии мира в тех пределах, в которых нам это известно. С помощью этого допущения мы можем формировать настоящие убеждения лишь в пределах человеческих действий и проверки на истинность, в то время как за его пределами — лишь те гипотезы, которые служат для более точной постановки вопросов.

Подведем итог.

Мы можем верить [believe] в то, что выходит за пределы непосредственного опыта, только если предмет нашего убеждения логически выведен из этого опыта с помощью допущения о том, что неизвестное нам подобно тому, что известно.

Мы можем верить [believe] утверждениям другого человека в случаях, когда разумно предположить, что он разбирается в теме и что он говорит правду в том объеме, в каком она ему известна.

Каковы бы ни были обстоятельства, ошибочно придерживаться убеждения без достаточных на то оснований. И лучше, если есть основания для убеждения, чем лишь для сомнения и исследования.

ИСТОЧНИКИ

- Мильтон Д. Ареопagitика. Речь о свободе печати от цензуры, обращенная к парламенту Англии (1644) : пер. с англ. // Современные проблемы. В 2 т. Т. 1 / под ред. А. В. Гладкого, А. И. Фета. — Москва, Новосибирск : [s. n.], 1997. — С. 31–79.
- Coleridge S. T. Aids to Reflection : Moral and Religious Aphorisms. — London : George Bell, Sons, 1904.

ЛИТЕРАТУРА

- Clifford W. K. The Ethics of Belief // The Ethics of Belief and Other Essays / ed. by T. Madigan. — Amherst (MA) : Prometheus, 1999a. — P. 70–96.
- Clifford W. K. The Ethics of Belief and Other Essays / ed. by T. Madigan. — Amherst (MA) : Prometheus, 1999b.

Clifford, W. K. 2019. “Etika ubezhdeniya [The Ethics of Belief]” [in Russian], trans. from the English and annot. by Yu. V. Gorbatoва and B. V. Faul’. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics] III (3), 37–53.

WILLIAM CLIFFORD

THE ETHICS OF BELIEF

Translation of: Clifford, W. K. 1999. “The Ethics of Belief.” In *The Ethics of Belief and Other Essays*, ed. by T. Madigan, 70–96. Amherst (MA): Prometheus.

DOI: 10.17323/2587-8719-2019-3-37-53.

REFERENCES

- Clifford, W. K. 1999a. *The Ethics of Belief and Other Essays*. Ed. by T. Madigan. Amherst (MA): Prometheus.
- . 1999b. “The Ethics of Belief.” In Clifford 1999a, 70–96.
- Coleridge, S. T. 1904. *Aids to Reflection: Moral and Religious Aphorisms*. London: George Bell / Sons.
- Mil'ton, Dzh. [Milton, J.] 1997. “Areopagitika. Rech' o svobode pechati ot tsenzury, obrashchennaya k parlamentu Anglii (1644) [Areopagitica. A Speech for the Liberty of Uncensored Printing to the Parliament of England (1644)]” [in Russian]. In vol. 1 of *Sovremennyye problemy* [Modern Problems], ed. by A. V. Gladkiy and A. I. Fet, 31–79. 2 vols. Moskva and Novosibirsk: [s. n.]